

УДК 94

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗА). ОЧЕРК ВТОРОЙ

В статье автор обращается к истории идей и учений, рожденных в недрах античного мира (его последних закатных веков), живущих в культуре европейской цивилизации в настоящее время и в значительной степени влияющих на будущее. Выбор имен – субъективен и ситуативен, и, как отмечает автор, сложился спонтанно, в процессе робкой попытки проникновения в давно ушедшую эпоху. Приводится краткий обзор кризиса Римской империи, противостояния язычества и христианства. Уделено внимание некоторым философам поздней античности и «последним римлянам», а также удивительным произведениям авторов античного мира, по преимуществу V и начала VI веков.

Ключевые слова: история Европы, античный мир, кризис Римской империи, массовое историческое сознание, язычество, христианство.

Идеи – это редкие родники в пустыне человеческой мысли. Однажды открытые, они вечно драгоценны, хотя из-за глупости и невежества их порою заносит песками.

Бертран Жувенель

Сокращая прежние амбиции [6] и попытки «объять необъятное», заявленные в первом очерке, посвященном истории Европы, мы обращаемся к истории идей и учений, рожденных в недрах античного мира (его последних закатных веков), живущих в культуре европейской цивилизации в настоящее время и в значительной степени влияющих на будущее. [29, 30, 31]

Со времени появления первых исторических сочинений Геродота, в истории и хронологии событий недалекого и отдаленного прошлого, ориентировались или имели более или менее адекватное представление не более 1% от населения полисов и государств. В настоящее время, постиндустриальная эпоха информационных технологий представляет неизмеримо великолепные возможности для исторического познания и исторического просвещения населения (общества). Но и в наше время число

людей, обладающих исторической грамотностью, по-прежнему (таков многолетний субъективный опыт наблюдений автора данного очерка) не превышает 1% от населения стран и университетов. Как правило, ни школа, ни высшее учебное заведение, в подавляющем большинстве случаев, не дают системных представлений об историческом процессе, подкрепленных выдержанными комментариями хронологии исторических событий. И потому, в обществе всегда процветает «поп-история» или «якобы» и «псевдо-история». Характерный пример: буквально случайно, недели две назад, открыл для себя еще одного выдающегося историка-тюрколога из плеяды «популярных историков» современности, в Иркутской областной библиотеке им. Молчанова в отделе иностранной литературы, натолкнулся на замечательное полиграфическое издание: Мурат Аджи «Средневековая история тюрков и Великой Степи», 2007 года [3]. Книга для школьников и их родителей – так звучит в подзаглавии. Текст популярный, легко читаемый, и даже, можно сказать, талантливый. Позволю себе маленький фрагмент из книги: «... Беда подкралась незаметно. Все началось в последние дни 406 года, 25 декабря в самый большой тюркский праздник – день Тенгри. Римляне не придумали лучшего подарка, как казни жен и детей кипчаков, служивших в армии Империи... Кипчаки восстали... в Западной Империи вспыхнула гражданская война. Возглавил её хан Аларих... Все в вечном городе менялось под влиянием тюрков...». Буквально почти на каждой странице встречаются подобные «перлы». Вестготы и остготы у автора – это просто белокурые тюрки. И всеми техническими и культурными достижениями кельты, римляне, византийцы и греки – обязаны тюркам... Всё бы ничего, но многие читатели принимают эту «историческую» версию пантюркизма за чистую монету.

Еще один, можно сказать, «классический пример» - образец популярной истории. С удовольствием (иногда) смотрю художественные фильмы на исторические темы. Ведь большинство исторических фактов и

исторических образов мы потребляем из художественной литературы и кино (имею в виду подавляющую часть общества, но не профессиональных историков). Один из моих любимых фильмов «Король Артур» (производства США-Ирландия, 2004 года, режиссера Антуана Фукуа).

Понятно, что «король Артур» – это средневековый эпос, сотворенный не одним поколением разных европейских стран. Отдельные историки, правда, считают, что был реальный прототип (возможно, Арториус).

Но легенда фильма претендует на историчность. 452 год – юные сарматы покидают родные земли – их забирают служить в римскую кавалерию в Британию, знакомятся с будущим командиром Арторием Кастом или Артуром, которого воспитывал ересиарх Пелагий, проповедовавший свободу воли и право людей на самоопределение. В 451 году Пелагий отлучен от церкви и убит. Очень даже правдоподобно, и некоторая связь с историческим реальным контекстом. Но – римские легионы ушли из Британии в 407 году, а Пелагий умер где-то в Палестине по причине старости в 415-416 гг. (точнее, просто причина и дата смерти его неизвестны). Но самое забавное – в 5 веке не существовало призывных комиссий, которые разъезжали по Европе и Азии и забирали юношей в Римскую армию – в целом по названному фильму можно собрать целый том исторических несоответствий. И это – обычная картина для подавляющего большинства художественных фильмов, которые позиционируют себя в кинопрокате как «исторические» или «основанные на реальных событиях».

Поэтому возникает вопрос: действительно ли существует «массовое историческое сознание»? Как оно выглядит? Какие имеет параметры и как функционирует?

На наш субъективный взгляд, «массовое историческое сознание» - это, скорее всего, идеологический штамп, получивший распространение в революционную эпоху прошлого столетия. Скорее, имеет место «массовое мифологическое сознание» или «массовое идеологическое сознание».

Безусловно, могут существовать какие-то коллективные архетипы, основанные на ментальном этническом субстрате, или на почве культурно-исторических традиций, но мне трудно представить себе такую социально-культурную реальность как «массовое историческое сознание». Можно предполагать, что в каждом отдельном социуме (этноте или нации) существует определенное многообразие отдельных индивидуальных исторических сознаний, находящихся на разных уровнях правдоподобия и соответствия научной историчности. В общем – это серьезная проблема для многолетнего междисциплинарного исследования (историков, психологов, социологов, этнографов, философов и др.).

Завершая это небольшое отвлечение по поводу бытования феномена «массового исторического сознания», сформулируем свое мнение следующим образом: историческое сознание в значительной степени предполагает рационализацию информации и оценку правдоподобности сведений исторического характера. В мифологическом и религиозном сознании рационализация играет значительно меньшую роль, а порой и вовсе отсутствует («верую, потому что абсурдно»). На наш взгляд, историческое сознание (несмотря на обилие работ, упоминающих это словосочетание), это малоисследованный феномен человеческого мировоззрения.

Предваряя свои предстоящие интерпретации исторических фактов и событий определенного фрагмента античной истории и сведений из жизнедеятельности произвольно выбранных для рассмотрения исторических персон, мы приводим фрагмент из работы «История и время», который весьма близок нашей субъективной методологической установке: «Историческое исследование всегда включает в себе как минимум прошлое и настоящее. Историк смотрит на событие взглядом, направленным из настоящего в прошлое. Оставаясь неподвижным, историк аккумулирует историческое время, умещая мгновения, века, тысячелетия в своей временной реальности. Кроме того, в истории, как в грамматике, существует

множество сложных времен: будущее в прошлом, прошлое в прошлом, настоящее в прошлом и т.д. Отрезок прошлого, избранный для исследования, в определенном смысле приобретает смысл настоящего, но историк знает, что произошло потом (в будущем) и что предшествовало (являлось прошлым)». [22]

Почти сто лет назад русский религиозный философ и историк-медиевист Лев Карсавин писал о том, что «историческая наука об индивидуальной душе является до сих пор еще объектом смутных чаяний и конкретно она осуществляется главным образом в области художественного творчества, а изучение развития отдельной личности не имеет ничего общего с так называемой научной психологией». [16]

Примерно в это же время (или чуть ранее) русский естествоиспытатель и философ Л.Чижевский подготовил работу на основе хронологических таблиц, отражающих зависимость исторических событий и явлений от солнечной активности.

Л.Чижевский утверждал, что «исторический процесс есть процесс прежде всего психический, ибо история есть хронологический перечень переживаний, душевных событий, психических фактов» и призывал научное сообщество возвыситься до синтетического понимания исторического процесса, как планетарного и космогеллурического, ссылаясь, в частности, на Фукидида, отмечавшего в описаниях Пелопонесской войны «резкие изменения психологии людей в моменты массовых движений». [34]

Мы также придерживаемся установки, что космоприродные факторы оказывают серьезное влияние на психику и поведение различных групп населения (особенно при массовых скоплениях людей во время военных действий, либо социальных и природных катастроф) и на психику и поведение отдельных персон, которые являются активными или пассивными участниками любых исторических событий.

Вопрос в том, насколько сложно достоверно реконструировать подобные влияния и взаимозависимости, но упускать аспекты космоприродного и психосоциального (психофизиологического) влияния на людей массы и отдельных персон, в контексте тех или иных исторических событий и процессов, нежелательно.

Известный отечественный историк, этнолог и философ Л.Гумилев, развил в 40-80-е гг. XX века целое парадигмальное учение (или оригинальную концепцию исторического процесса) о влиянии космической энергии на зарождение и историческую эволюцию этносов и наций, где история рассматривается как последовательность природно-этнических бифуркаций, обусловленных пассионарностью. Пассионарии («великие люди») «заражают» космической или космопсихической энергией своих соплеменников или соотечественников (или просто «восставшую массу рабов», как гладиатор Спартак) и совершают вместе с ними выдающиеся исторические действия, меняющие инерционное течение исторического процесса.

Смелые теории Л.Чижевского и Л.Гумилева не нашли большого признания в среде историков-профессионалов, прежде всего потому, что авторы нередко вольно обращались с историческими фактами, трактуя сущность исторических явлений и событий в удобном для своей концепции понимании. Но есть подозрение, что историческая наука (возможно, в ближайшие 20-30 лет) обратит более серьезное внимание на космоприродные концепции исторического развития, освоив для этого направления новую методологию исторического исследования. И тогда, возможно, историки начнут активно привлекать методологический концептуальный материал, накопленный в смежных областях научного знания. На наш взгляд, особые перспективы для исторического познания могут иметь полевые представления. О существовании смысловых семантических полей много писали и говорили психоаналитик К.Г.Юнг и философ В.В.Налимов, о

наличии социально-структурированных полей утверждал французский социолог и этнолог П.Бурдьё. В частности, у К.Г. Юнга [37] существовала гипотеза о присутствии в психосемантическом поле идей, мыслей, знаний прошлого-настоящего-будущего. Подобного рода духовно-информационные поля – тема давних исследований в индийской философии и йогической практике. В XX веке, индийский философ Шри Ауробиндо Гхош, развернул концепцию о духовно-информационных и смысловых (семантических) полях в стройное учение.

Парадокс в нашей ситуации в том, что ученые-историки, глубоко погружившиеся в исследуемую историческую эпоху, бессознательно и интуитивно проникают в смысловое и духовно-информационное поле, ощущают его присутствие и наличие, и даже извлекают из него феноменальную информацию (которую относят на счет своего изобретательного научного ума и многолетнего опыта штудий в предметной области). Но говорить об этом, по давней традиции, в научном сообществе не принято: либо обвинят в идеализме и мистицизме, либо засмеют коллеги и т.п.

Завершая свою затянувшуюся вводную часть, добавим несколько слов о том, что же составит предмет наших исторических размышлений и интерпретаций, во втором очерке, посвященном истории античного мира.

Помимо истории идей и учений, дошедших до нас от тех удивительных времен, мы, конечно же, будем говорить об отдельных исторических персонах, оставивших яркий след на виртуальном полотне истории. Выбор имен – субъективен и ситуативен, и, по-видимому, сложился спонтанно, в процессе робкой попытки проникновения в давно ушедшую эпоху. Мы будем говорить, бегло и кратко, о кризисе Римской империи, о противостоянии язычества и христианства, о философах поздней античности и «последних римлянах», а также об удивительных произведениях авторов античного мира, по преимуществу V и начала VI веков. Это всего лишь

эскиз, отражающий тонкими линиями колоссальные богатства духовно-нравственной и интеллектуальной жизни отдельных персон античного мира.

1. Кризис Римской империи III века.

Кризис III века носил системный характер: падение производительности рабского труда, разрушение рабовладельческого уклада, сокращение населения, кризис религиозных верований, нашествия варваров в приграничные районы и прежде всего – кризис системы власти: эпоха «солдатских императоров», большая неустойчивость властных структур разного уровня, от самого «вечного города» до самых отдаленных провинций. В отечественной историографии кризису Римской империи III века уделено самое серьезное внимание [35, 18, 36, 14, 15].

В новое время, на наш субъективный взгляд, наиболее яркая и убедительная работа Э.Гиббон «История упадка и крушения Римской империи». [7]

А. Тойнби, в книге «Цивилизация перед судом истории», резко расширяет рамки кризиса, говоря о том, что всё существование античного мира – это один длительный многовековой кризис: « При поколении Августа греко-римский мир, к тому времени уже разваливавшийся в течение четырех веков, до 31 г. до н.э., сделал отчаянную попытку, имевшую временный успех, собраться воедино... Сама христианская церковь родилась из духовных мук, явившихся последствием краха греко-римской цивилизации... Одним из факторов, который во II веке н.э. способствовал возвышению и распространению новых религий, было изнеможение, вызванное столкновением культур» [25].

Французский историк Ф.Бродель, в книге «Что такое Франция?», по-своему формулирует проблему кризиса империи: «Упадок Галлии начался задолго до великих нашествий V века. Упадок Галлии – это упадок Римской империи, больного, бесконечно долго умирающего человека. По этому

поводу между историками уже давно идет славный спор: умерла ли Империя своей смертью, сама ли она в конечном счете виновата в этой смерти?» [4]

В замечательной работе русского историка середины XIX века С.В.Ешевского «Очерки христианства и язычества», прекрасно излагается тот страшный перелом в умственном и нравственном мирозерцании человечества, который совершился на рубеже двух миров – древнего и нового. [15]

С.В. Ешевский также расширяет хронологические границы кризиса империи, выводя их за рамки III века (от последних десятилетий II века до начала VI века) и подробно описывает затяжной процесс перехода античного мира в христианский мир.

Известный советский историк Е.М.Штаерман, рассматривает в своей монографии [36] социальную эволюцию римской религии как одну из основных причин кризиса III века.

С.В. Ешевский в вышеназванной работе [15] называет еще одну из причин кризиса – негативное влияние греческой культуры и философской мысли на народные религиозные воззрения, способствовавшее разрушению языческой религии.

Подводя условный, предварительный итог о кризисе III века Римской империи, можно сказать, что хронологические рамки кризиса, как историко-политического и историко-социального психологического процесса явно выходят за рамки III века, и берут свое начало в правлении императора Коммода. Условное завершение кризиса – падение Западной Римской империи 476 год.

Но если смотреть на кризис Римской империи с философских позиций, то следует согласиться с А.Тойнби и признать, что все развитие греко-римской цивилизации было сплошным перманентным кризисом, изредка прерываемым краткими периодами стабильности и взлета. Как, впрочем, и весь исторический процесс, от формирования протогосударств и до наших

дней можно воспринимать как перманентный кризис идей и устремлений планетарного земного разума...

2. Язычество и христианство в Римской империи

Вопрос о взаимоотношении язычества и христианства в Римской империи в I-V веках является своеобразным водоразделом в среде историков на протяжении по крайней мере, 19 прошедших столетий.

Одни историки склоняются к мнению, что Рим погубило язычество, способствовавшее падению нравов. Другие (их тоже не мало) – что именно появление христианства и его экспансия в пределах империи разрушило государственную машину и подорвало корни античной культуры. Что и привело к падению Рима.

Философ истории XX века К.Ясперс, несмотря на многочисленные рассуждения об особенностях философской веры, занимает явно прохристианскую позицию: «Христианство, христианская церковь является, быть может, самой великой и возвышенной формой организации человеческого духа, которая когда-либо существовала. Из иудейства сюда перешли религиозные импульсы и предпосылки (для историка Иисус – последний в ряду иудейских пророков, осознающий свою связь с ними); от греков – философская широта, ясность и сила мысли, от римлян – организационная мудрость в сфере реального. Из всего этого возникает некая целостность, которую никто не предвидел заранее; с одной стороны, удивительно сложный, конечный результат в синкретическом мире Римской империи, с другой – целое, движимое новыми религиозными и философскими концепциями, наиболее видным представителем которых был Августин. Христианская церковь оказалась способной соединить даже самое противоречивое, вобрать в себя все идеалы, считавшиеся до той поры наиболее высокими, и надежно хранить их в виде нерушимой традиции». [38]

Иного мнения придерживался другой, не менее известный философ истории XX века, Людвиг фон Мизес: «До начала IV века христианская вера

распространялась путем добровольного обращения... Но со времен Феодосия I, меч стал играть заметную роль... Язычников и еретиков силой оружия заставляли подчиняться христианским учениям. Религиозное единство в средневековой Европе установилось, когда огнем и мечом истребили и язычников, и еретиков... Католическая церковь смогла сохранить свои позиции только попустительствуя поведению мирян, которое открыто игнорировало большую часть, если не все принципы Евангелия. [20]

Как мы уже говорили выше, наиболее основательно разбирает проблему взаимодействия язычества и христианства (по крайней мере, в российской историографии) С.В. Ешевский.

«Римское язычество имеет много родственного с религиозными воззрениями греков. Две особенности отличают его, впрочем, довольно резко от греческой религии. Эта сравнительная бедность и неразвитость религиозных мифов, простота и безыскусственность, отсутствие поэтического элемента в мифологии. Затем – особая постановка культа относительно государства, тесный, до некоторой степени неразрывный союз религиозных верований с государственными учреждениям... Римский культ не мог успешно бороться с древними верованиями Греции и Востока... При первом же столкновении Рима с городами Греции мифологические представления эллинов неудержимо стали входить в сознание римского общества... Сближение с греческой образованностью, её могущественное действие на римское общество были неминуемым следствием распространения римского владычества... По мнению древнегреческого историка Полибия, вся римская религия казалась сбродом суеверий, призванных для достижения известных государственных целей» [15].

Е.М.Штаерман [18] считала, что римская религия в высших слоях общества приходила в упадок (в I в. до.н.э.), а в целом – религия эпохи империи была сложным и неоднородным явлением.

«Последней попыткой создания учения о божестве в рамках античного мирозерцания был неоплатонизм Плотина, сложившийся в середине III в.» [36]

Е.С. Голубцова [18] отмечает, что христианство в I-III вв. (в римских провинциях) Малой Азии было распространено неравномерно, по преимуществу в городах, и христианские общины составляли (ориентировочно) не более четверти населения.

С.В. Ешевский также отмечает долгоживучесть отдельных языческих культов и традиций. В Галлии, Северной Африке и Малой Азии языческие культы еще сохранялись в V-VI вв. н.э.

После гонений христиан во второй половине I в., во II и III вв. (особенно во времена правления императора Диоклетиана, считавшего христиан вредной антигосударственной сектой), наступило время государственного признания христианской религии при императоре Константине Великом (Миланский Эдикт 313 г.).

Краткий период, около полутора лет, антихристианской политики императора Юлиана (вошедшего в историю под именем Юлиана-отступника) в 362 г. не повлиял на доминирующую позицию христианства в Империи. Юлиан не развязывал репрессий против христиан, но лишил христианское духовенство привилегий, которые оно получило при Константине и Констанции. Попытка Юлиана – возродить языческие традиции – не имела успеха. [35, 33, 13]

Но окончательное становление христианства как государственной и единственно легитимной религии произошло при Феодосии I: «Со смерти Константина, занявшая господствующее положение в Империи христианская церковь более 40 лет была разъедаема внутренней враждой, что не могло не унижать её в глазах приверженцев языческого культа... С прибытием в Константинополь в 380 году Феодосий прежде всего озаботился устройством церковных дел. В 381 году им издан знаменитый эдикт по церковным делам

о запрещении всех религиозных собраний, за исключением собраний приверженцев никейского символа» [33].

С.В. Ешевский особенно отмечает негативную роль в разрушении религии и государства Римской империи, которую сыграл культ обожествления императора, начавшийся при Августе, когда поклонение императору сделалось почти единственной государственной религией. Позднее были Калигула, Нерон... «Религиозное чувство замирало при виде такого позорного поругания религии» [15].

С.В. Ешевский приходит к выводу, что «падение язычества зависит не от случайных причин, не от перемен в политическом устройстве – оно обусловлено неизбежной необходимостью» [15].

Тема язычества и христианства в Римской империи считается основательно изученной и разработанной – внимание ей уделялось на протяжении многих поколений историков. Но она, безусловно, притягивала и будет притягивать новых исследователей, просто потому, что много еще «белых пятен» укрыто за плотным туманом идеологических штампов. Поиск научной истины требует предельного проникновения в истоки исторических событий и жаждет новых откровений познания и открытия.

3. Август и Пелагий

Начало V века, последнего в истории Западной Римской империи, необычайно богато самыми разнообразными событиями, заслужившими в последствии титул исторических, рубежных и эпохальных. Пожалуй, одним из самых знаковых и трагичных было событие захвата Рима вестготами Алариха. Таким образом, 410 год можно считать началом завершающего этапа гибели античного мира.

На наш взгляд, верхней границей или окончательный водоразделом между античным миром и миром средневековым можно считать два события: 525 год в Западной империи и 529 год в Восточной Римской империи. 525 год – гибель «последнего римлянина» и последнего великого философа Рима

Бозция. 529 год – закрытие императором Юстинианом всех философских школ в Восточной Римской империи. Именно поэтому, временной отрезок с 410 по 529 гг. заслуживает особого внимания историков, как период завершения распада античного мира. И возможно поэтому, этому периоду уделено столько внимания историками разных времен и разных стран, что следующее века уже считаются совсем не античными, а просто «темными» веками европейской истории.

Вдохновенные работы советского и российского историка В.И. Уколовой [26, 28, 32, 35] необычайно ярко и подробно вскрывают дух эпохи заката Античности и дают замечательные портреты исторических персон: «последних римлян» и «великих христиан»: «IV-V века были временем, когда западная часть Римской империи неуклонно шла к гибели. Вместе с тем, то была эпоха духовного и интеллектуального созидания, языческая античность подводила итоги культурного развития, как бы «упаковывая» своё философское и образовательное наследие. Интенсивная деятельность Учителей христианства, напротив, была направлена на выработку новых ориентиров существования мира, новых парадигм развития мыслительного пространства и на создание теологического поля универсальной культуры... Вклад Августина Аврелия: его учение оказало огромное влияние на духовное развитие Запада в средние века и в раннее новое время» [28].

На творчество Августина Аврелия [1, 2] большое влияние оказали два события: захват Рима востготами в 410 году и идейная борьба с учением или ересью Пелагия. Вероятно, второе событие имело большее значение, как импульс, стимулировавший создание целого ряда трактатов-книг, творившихся в течение 14 лет и образовавших собой, можно сказать, первый фундаментальный теологический свод католического христианства.

Мы бы опасались утверждать, что «Августин опирался на многовековой опыт христианской теологии и историографии, отталкиваясь от своеобразных историко-философских представлений языческих

мыслителей, в первую очередь – неоплатонистов» [28]. Во-первых, потому, что опыт христианской теологии берет начало во втором веке и насчитывал не более двух веков ко времени Августина, а во-вторых, Августин Аврелий все-таки более опирался на опыт языческих мыслителей, используя отдельные излюбленные фрагменты Плотина, Порфирия, Цицерона, Сенеки, Филона, Марка Аврелия, Варрона и мн. др. для своих христианских медитативных импровизаций, основанных на убеждении своего теологического проповеднического призвания.

Отсюда и значение пелагианства, как стимула к созданию полемических, наставительных и обличающих комментариев «О граде Божьем» с использованием профессиональных риторических приемов, которыми Августин владел замечательно.

Кто же был этот Пелагий, и чем он возмутил Августина Аврелия? Как пишет русский православный историк, богослов и священник А.Кремлевский: «Пелагий – Британец – родился приблизительно в 350 г., в начале V века был уже в преклонном возрасте при дряхлеющим теле и падающих силах... Пелагий был красноречивый и начитанный монах, но с посредственными умственными способностями и невысокими нравственными понятиями» [17]. Так звучит введение труда «История пелагианства и пелагианская доктрина», изданного в 1898 году. Но далее, по тексту, мы уже имеем новую характеристику: «Судя по литературным произведениям Пелагия и по громадному влиянию его на современников, следует признать, что он обладал значительной образованностью, был знаком с лучшими греческими и латинскими, как церковными, так и светскими писателями и прекрасно владел даром слова; он свободно владел и разговорным греческим языком» [17].

Основа ереси Пелагия – преувеличенный взгляд на свободу воли: «Учение о спасении, как награде за добрые дела, и о свободе воли, как преимущественном факторе в совершении добрых дел... Пелагианство, по

выражению борющихся с ним африканских епископов, ниспровергало самые основы христианской веры... Человек не может сам себя спасти. Спасти человека, исцелить его от духовной немощи и греховности может только творец его Бог. Отсюда христианство учит о необходимости молитвы и благодати. Спасение наше не от нас, а от Бога...» [17].

Пелагий ссылался на Златоуста в подтверждении именно своего учения о свободе воли, а философское основание находил в Плотине. Последний, в частности, писал: «Каждая отдельная вещь должна оставаться отдельной вещью; должна существовать и наша деятельность, и наше мышление; каждый прекрасный или безобразный поступок должен исходить от кого-то, и мы не должны приписывать творчеству Вселенной то постыдное, что совершается нами» [21].

Можно ли утверждать, что «противником Августина был Пелагий», если все сочинения против пелагианства написаны уже после смерти последнего и сам Пелагий против Августина ничего не писал?.. Не вступал с ним в полемику. Последняя их встреча состоялась в 411 году в Карфагене и прошла спокойно, без всяких эксцессов и теологических споров (нельзя исключать, что Августин и Пелагий могли быть знакомы ранее и встречались в бытность Августина в Риме).

В 412 году в Карфаген приезжает Целестий (ученик Пелагия) и начинает проповедовать и претендовать на место пресвитера. В Карфагене немало состоятельных беженцев из Рима (приехавших жить в Карфаген после событий 410 года в Риме) исповедующих либо склонных к пелагианству. Они очень симпатизируют Целестию. На это же место пресвитера претендует местный проповедник Павлин. Он выдвигает обвинение против Целестия в ереси по 6 пунктам, сформулированных самим Павлином. На местном соборе в Карфагене в 412 году. Целестий не признает обвинения и отрицает формулировки Павлина. И, первоначально, Августин

не занимает категорической оппозиции против Целестия (Пелагий в это время уже уехал в Палестину и больше не вернется ни в Рим, ни в Карфаген).

Что происходило далее – вопрос серьезного реконструктивно-аналитического исследования. Скорее всего (опять же на наш субъективный взгляд) основной причиной раздора и обвинений послужила борьба за паству, и нездоровая атмосфера, которая сложилась в Северной Африке после закона Феодосия I, изданного в 381 года. Закон лишал отступивших от христианства всех гражданский прав. Используя этот закон, радикальные христианские священники провоцировали нападения религиозных фанатиков на отдельных влиятельных язычников. В период с 381 по 430 гг. (до завоевания Северной Африки вандалами) неоднократно происходили вспышки религиозного фанатизма. В частности, в марте 415 года в Александрии толпа монахов и фанатиков верующих по наущению епископа Александрии Кирилла, растерзала выдающегося астронома, математика и философа Гипатию [8].

Сам Августин по вопросам свободы воли высказывал противоречивые точки зрения и, как пишет, А.Кремлевский, «впал в другую крайность (в споре с пелагианством) и совсем отверг значение свободы воли человека в деле его спасения» [17].

Не отрицая исторической роли Августина Аврелия в развитии христианской догматики и в развитии самой христианской церкви, необходимо согласиться с историческими фактами, характеризующими политическую роль Августина в эпоху острейшей борьбы внутри церкви: «В своей епископской деятельности Августин также был поборником жесткой ортодоксальности и первенства церковной власти, но в т.ч. организатором широких гонений и карательных мер, предпринятых церковью в союзе с государством. Тем самым было положено начало средневекового преследования еретиков (инквизиции)» [28].

4. «Последние римляне»

Отталкиваясь от замечательной книги В.И. Уколовой [32], мы попытаемся высказать свою скромную точку зрения на серьезный исторический «эон» - III – начало VI вв., который хранит богатейшие залежи фактографической информации уходящего античного мира.

Из пяти «последних римлян», представленных в книге В.И. Уколовой мы уже немного говорили об Августине Аврелии, достойном продолжении глубоких и серьезных аналитических изысканий.

И теперь хотели бы коснуться еще одной яркой исторической персоны – римского историка IV века Аммиана Марцеллина (ок. 330-400 гг.).

Как считает В.А. Дмитриев, уделяющий много внимания жизнедеятельности и творчеству наследника греческой и римской школы античных историков [9-13], «Аммиан Марцеллин является последним крупным представителем римской историографии... По глубине анализа, степени детализации и уровню достоверности излагаемого материала, с произведениями Аммиана не может сравниться ни одно историческое сочинение современной ему эпохи».

Патриарх отечественной классической филологии С.И. Соболевский (замечено Дмитриевым В.А.) уделил в свое время серьезное внимание анализу сочинений А. Марцеллина, и, несмотря на определенные «огрехи» во владении латинским языком, присутствующие у Аммиана (грека по рождению) очень высоко оценивал уровень литературно-исторического мастерства А. Марцеллина. [24]

Благодаря Аммиану, мы имеем прекрасную возможность достаточно достоверного прочтения исторических событий и персон из эпохи угасающего античного мира [19], и в частности, объективный портрет императора Юлиана, можно сказать тоже «последнего римлянина», достойного наследника уходящих римских традиций, последнего романтика античной эпохи.

Как замечал русский историк Успенский, «чем лучше и полнее освещается материал, тем более выигрывает характер Юлиана... Он глубоко верил и в свое назначение покорить весь мир, и в свою миссию восстановить почитание языческих богов и вернуть мир к изящным формам» [33].

К когорте «последних римлян» можно отнести галло-римского поэта, политического деятеля и епископа Аполлинария Сидония, о котором замечательное исследование оставил талантливый и рано ушедший из жизни русский историк середины XIX века Степан Васильевич Ешевский.

Как писал С.В. Ешевский: «Сидоний, доставивший своими произведениями возможность иметь историю Галлии V века, недостаточно беспристрастно оценен до сих пор» [23, 14]. При этом С.В. Ешевский критично относился (в духе Белинского и Грановского) к поэтическому таланту Сидония и предъявлял к «последнему гало-римлянину» чересчур жесткие моральные требования.

И в завершение темы «последних римлян» - несколько слов о Боэции (480-525 гг.) – это ярчайшая и рано сгоревшая звезда античного римского наследия. [6] Его оппонент Кассиодор, прожил две таких жизни, но не оставил нам такого яркого интеллектуального наследия. Уже более 30 лет назад вышла книга В.И. Уколовой «Последний римлянин Боэций» [26], в которой раскрыта судьба философа и его значение в европейской истории. Когда читаешь эту книгу, и особенно, тексты самого Боэция [5], необычайно остро понимаешь, какой удивительно глубокий потенциал имела античная философская мысль, и как легко можно терять приобретения человеческого разума в привередливых лабиринтах человеческой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Исповедь. Пер.М.Е. Сергеенко. Отв.ред. Н.Н. Казанский. - СПб.: Наука, 2013. — 376 с.
2. Аврелий Августин. О Граде Божьем. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
3. Аджи М. Средневековая история тюрков и Великой Степи. М.: АСТ, 2007. – 214 с.

4. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи, Ч. 1. Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 244 с.
5. Боэций. Утешение Философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990. — 415 с.
6. Винобер А.В. История Европы: Прошлое. Настоящее. Будущее (Опыт историко-футурологического анализа и прогноза). Очерк первый / А.В. Винобер // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2018. - 2(4).- С. 137-150
7. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. Пер. с англ. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1994. - 526 с.
8. Гуртовцев А.Л. Гипатия, или растерзанная муза. Мн.: Интернет-издание, 2016. — 30 с.
9. Дмитриев В. А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. №7 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-varvarizatsii-rimskoy-armii-viv-v-n-e-po-dannym-ammiana-martsellina> (дата обращения: 02.07.2018).
10. Дмитриев В.А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ammian-martsellin-v-otechestvennoy-istoriografii> (дата обращения: 02.07.2018).
11. Дмитриев В.А. "Персидский" экскурс Аммиана Марцеллина: опыт источниковедческого анализа. — Псков: ПГПУ им. С.М. Кирова, 2010. — 122 с.
12. Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней Империи: основные жанры и представители // Метаморфозы истории. 2003. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskaya-istoriografiya-perioda-pozdney-imperii-osnovnyye-zhanry-i-predstaviteli> (дата обращения: 02.07.2018).
13. Дмитриев В.А. Юлиан Отступник: человек и император // Метаморфозы истории. 2002. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yulian-otstupnik-chelovek-i-imperator> (дата обращения: 02.07.2018).
14. Ешевский С.В. К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Сочинения. Часть третья.- М.: Издание К.Солдатенкова, 1870. – С. 1-342.
15. Ешевский С.В. Очерки язычества и христианства // Сочинения. Часть первая. - М.: Издание К.Солдатенкова, 1870. - С. 281-576
16. Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: АО Комплект, 1993. - 351 с.
17. Кремлевский А.М. История пелагианства и пелагианская доктрина. - Казань. Типо-Литография Императорского Университета, 1898. — III, 250, XLIII с.
18. Культура Древнего Рима. В 2-х Т. 1. М.: Наука, 1985. - 430 с.; Т. 2. - М.: Наука, 1985. - 396 с.

19. Марцеллин А. Римская история. - М.: АСТ, Ладомир, 2005. - 638 с.
 20. Мизес Л.Ф. Теория и история : Интерпретация социально-экономической эволюции. Пер. с англ. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.
 21. Плотин. Третья эннеада / Пер. с древнегреч. Т.Г. Сашида. 2-е изд. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2010. – 480 с.
 22. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры. 1997. 800 с.
 23. Сидоний Апполинарий. Письма. Пер. Коньков Д.С. и др. : Электронная версия печатной публикации. Режим доступа: https://www.sidoniusapollinaris.nl/index_htm_files/Sidonius%20Letters%20Russian%20Translations.pdf (Дата обращения 01.06.2018)
 24. Соболевский С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровский Ф.А. История римской литературы в 2 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959-1962. - 507с. + 490 с.
 25. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории : Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1995. – 478 с.
 26. Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. – М.: Наука, 1987. – 160 с.
 27. Уколова В.И. Античное наследие и культура Раннего Средневековья. Конец V - середина VII века. – М.: Наука, 1989. — 320 с.
 28. Уколова В.И. Время и история на исходе Империи: Аврелий Августин / В.И. Уколова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. - 17 (118). - С. 12-36.
 29. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима / В.И. Уколова // Вестник МГИМО Университета. 2008. - 2 (2). - С. 3-10.
 30. Уколова В.И. Нужна ли синхронная история / В.И. Уколова // Электронный научно-образовательный журнал История. 2010. - 1.
 31. Уколова В.И. Образ Рима в русской политической культуре / В.И. Уколова, П.П. Шкаренков // Новый исторический вестник избранное, 2011-2015: 85 лет ИАИ - 25 лет РГГУ. 2016. - С. 64-76.
 32. Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М.: Наука, 1992. – 157 с.
 33. Успенский Ф.И. История Византийской империи / Сост. Т.В. Мальчикова. – М.: Мысль, 1996. – 827 с.
 34. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелеотараксия. – М.: Мысль, 1995. – 766 с.
 35. Чубарьян А.О. (гл. ред.) Всемирная история. Том 1. Древний мир. - М.: Наука, 2011. — 822 с.
 36. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. – М.: Наука, 1987. – 324 с.
 37. Юнг К.Г. Синхронистичность. Сборник. Пер. с англ. М.: Рефл-бук. 1997. – 320 с.
 38. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2- изд. Пер. с нем. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
-

A.V.Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia

EUROPEAN HISTORY: PAST. PRESENT. FUTURE (HISTORICAL AND FUTURES ANALYSIS AND FORECASTING). THE SECOND ESSAY

In the article the author refers to the history of ideas and teachings born in the depths of the ancient world (its last sunset centuries), living in the culture of European civilization at the present time and largely affecting the future. The choice of names is subjective and situational, and, as the author notes, has developed spontaneously, in the process of a timid attempt to penetrate into a long-gone era. A brief overview of the crisis of the Roman Empire, the confrontation between paganism and Christianity. Attention is paid to some philosophers of late antiquity and «the last Romans», as well as the amazing works of the authors of the ancient world, mainly V and early VI centuries.

Key words: history of Europe, ancient world, crisis of the Roman Empire, mass historical consciousness, paganism, Christianity.

Поступила в редакцию 25 июля 2018